

РУССКИЙ ПАЛОМНИК

ПОЕЗДКА С.П. ШЕВЫРЕВ в Кирилло-Белозерский монастырь

ВАКАЦИОННЫЕ ДНИ
В 1847 ГОДУ

Русский паломник

Степан Шевырев

**Поездка в Кирилло-
Белозерский монастырь.
Вакационные дни профессора
С. Шевырева в 1847 году**

«Индрик»

2009

УДК 94 (47)
ББК 63.3(2)47

Шевырев С. П.

Поездка в Кирилло-Белозерский монастырь. Вакационные дни профессора С. Шевырева в 1847 году / С. П. Шевырев — «Индрик», 2009 — (Русский паломник)

Книга русского писателя и поэта «тютчевского круга», ученого, сформировавшего основы русского литературоведения и современной концепции восприятия древнерусской литературы, профессора Московского университета С.П. Шевырева (1806–1864) о его поездке зимою и летом 1847 года в Кирилло-Белозерский монастырь оказалась (как и другие его литературные произведения) прочно и совершенно незаслуженно забытой уже во второй половине XIX века. Отдавая дань нашему замечательному соотечественнику, издательство «Индрик» выпускает в свет описание в полном смысле слова исторического паломничества С.П. Шевырева к святыням Русского Севера.

УДК 94 (47)
ББК 63.3(2)47

© Шевырев С. П., 2009
© Индрик, 2009

Содержание

Часть первая	5
Троицкая лавра	5
Конец ознакомительного фрагмента.	19

С. П. Шевырев

Поездка в Кирилло-Белозерский монастырь. Вакационные дни профессора С. Шевырева в 1847 году

Часть первая

Троицкая лавра

Мне нужен был отдых от трудов академического года. Я хотел согласить его с занятием по сердцу. Ни на чем нельзя так отдохнуть человеку, утомленному кабинетной жизнью, как на пути скором и деятельном. Здесь мысль, не прерывая своего занятия, живет внешними предметами. Впечатления сменяются быстро, душа, освежившись, бодрей возвращается в свой внутренний мир.

Я имел цель, предположенную в своей поездке, но не пренебрегал ничем, что любопытного попадалось на пути. Пускай рассказ мой будет верной, незатейливой копией с самого странствия. Мыслящая беседа с замечательным человеком, живые речи простолюдинов, местность природы, впечатления городов и сел, памятники Древней Руси, монастыри, храмы, иконы и хартии, деятельность России новой, обычаи и нравы, предания, язык народный и его физиогномия – все взойдет в мой рассказ, без строгого порядка и связи, все, как случилось. Спутник мой, Н. В. Б., владеющий карандашом с та кой же грацией, как и стихом, снял несколько очерков, за которые я ему весьма благодарен. Пускай они очевидным напоминанием оживят мое слово.

У нас есть люди, готовые осмеять даже мысль о путешествии по России. Выдавая себя за строгих поклонников Запада, они в этом случае, однако, позволяют себе отступать от него, потому что Запад не только не пренебрегает такими путешествиями, но ввел их в моду и беспрерывно обогащает свою литературу их описаниями. Мы также весьма охотно читаем их, но в этом чтении нас не столько занимают рассказы о нашем отечестве, сколько мнение, какое о нас оставили западные путешественники. Данные мы всегда признаем неверными, неосновательными и даже извиняем в том: где же иностранцу, говорим мы, не знающему ни языка, ни истории нашей, собрать верные факты о земле и на роде? Но мнение, несмотря на то, для нас все-таки имеет великую цену и важность, хотя логически следовало бы так заключить: данные – неосновательны, след и мнение, из них выведенное, таково же. Но подобное заключение требует другого условия. Надобно иметь для того мнение о самих себе, как наши, а мы покамест его еще не составили – и потому дорожим мнением других, точно так как всякий человек, не имеющий о себе самостоятельного мнения, хотя с вида и стойкий, зависит от посторонних.

Есть еще причина, почему поклонники Запада считают невозможным путешествие по России. Эта причина, надобно с ними согласиться, самая основательная, она состоит в недостатке комфорта – великого плода европейской цивилизации, столько лестного самолюбию нашей человеческой натуры. Справедливо говорят: в России можно только ездить по делам, а путешествовать нельзя. В самом деле, вы путешествуете только за границей: путешествие там сопровождалось, по крайней мере, прежде всякий день прекрасным завтраком, вкусным обедом, мягкой постелью. Странствуя по России, вы беспрерывно подвергаетесь тем лишениям, которые для иного, скованного привычками воспитания, просто невыносимые несча-

стья, удары судьбы; вы на самих себе и ночью, и днем чувствуете почти всякий час, как отстали мы в комфорте жизни перед другими – и выносите чувство неприятное, могущее повредить всякой пользе, если бы эта польза была даже возможна. С этим нельзя не согласиться. Кто против этого может спорить?

24 июня я выехал из Москвы в Крестовскую заставу. Иванов день сказывался венками цветов на поярковых шляпах фабричных щеголей московских. Красные рубашки, синие халаты и черные кудри под увенчанной шляпой мелькали непрерывно. Весела физиогномия нашего промышленника, которого кормит Москва своей работой; его довольство блещет в его наряде, праздник принадлежит ему – и он не чувствует тяжелой нужды продать его за деньги. Но лицо его слишком рано теряет цветущую краску юности, рано морщины втираются в него и разрушают свежесть телесную, глаза темнеют и тупеют, под наружным забытием и весельем таится что-то болезненное и мрачное. Причина всему – вино.

Катясь по Троицкому шоссе, наслаждаешься выгодами европейской гражданственности и в то же время вспоминаешь старинную Русь с ее царскими походами. Вот налево – Марьино роща и поле, где под шатрами отдыхал царь Алексей Михайлович со своей царицей. Вот древние главы церкви села Алексеевского. Вот Тайнинское – забава царя Алексея Михайловича. Путевые впечатления И.М. Снегирева – необходимая книжка для мыслящего странника к Троице: они оживляют дорогу памятью минувшего.

Но как изгладились следы его! Уж нет дворца в Алексеевском, где Карамзин с какой-то любовью смотрел на те вещи, которые принадлежали еще к характеру старой Руси; с каким-то неизъяснимым удовольствием брался рукой за дверь, думая, что некогда отворял ее родитель Петра Великого, или канцлер Матвеев, или собственный предок его, служивший царю, и чувствовал, что в нем не остыла русская кровь! В селе Тайнинском нет уже давным-давно дворца Елизаветы Петровны, который еще при Карамзине продавался на своз! В Братовщине – ни деревянной церкви, ни царской вышки, в которой на мягких перинах отдыхал царь Алексей Михайлович.

В Мытищах европейская цивилизация вам напомнит обычай заграничных дорог. Вы приведете на память этот немецкий «Schein»¹, который вас так часто будил ночью! Не худо заметить для новичка-странника по этим европейским дорогам, что ярлык, который дадут вам за ваши деньги, надобно сберечь на дальний путь, если бы даже сторож и сказал вам, что вы можете сделать с ним все, что хотите. Помню, за границей мне всегда хотелось на самом ярлыке прочесть, что с ним делать, например: отдать на такой-то станции.

Самоварная промышленность предлагает вам отведать чаю из самой лучшей подмосковной воды. Предание именует родник громовым колодцем. Такое название нередко встречается в России; народ верил, что небесная молния открывала лучшую воду людям. Есть еще у нас святые колодцы: они вырыты руками святых мужей, потрудившихся для здоровья народного. Эти колодцы открыты также святым вдохновением с неба.

Село Пушкино, как говорят, славится своими хороводами. Думая, что в Иванов день они соберутся, мы остановились здесь напиться чаю. Но хороводов не было. Соседняя фабрика отнимает праздничные дни у народа. Труд, конечно, полезнее песен. Несколько девушек в нарядных платьях сидело на лавке у одного богатого крестьянского дома. Невдалеке от них стоял молодой щеголь села, хозяйский сын: видный собой, в плисовой сборчатой коротенькой поддевке, которая сжимала стройный стан его, из под нее видна была цветная пестрая рубашка, русые кудри вились из под шляпы; сложивши руки, гордо стоял он и поглядывал на девиц. Видно было, что он щеголял собой и своим нарядом. «Что не водите хоровод, девушки?» – «Да вот, молодцы не затевают», – отвечали они, указывая на щеголя. «Что же, друг, не позовешь их?» – «Да куда мне звать, это наш дом. Вот они сами пришли ко мне в гости и незваные». «Вот

¹ Документ, дающий право на пересечение границы (*прим. ред.*).

и еще успехи цивилизации», – подумал я. Уж это нравы прямо из современных парижских водевилей, где мир теперь выводится наизнанку и девушки волочатся за мужчинами. Я думал, что вижу перед собой сцену из «Fièvre Brûlante» в подмосковных костюмах.

Грудные младенцы на руках у матерей и ребятишки, бегавшие около них, привлекали мое внимание. Как они бледны и тощи! Какой болезненный вид! Прежде это случалось с барскими детьми. Нравы родителей видны на детях. Грустно!

Я прошелся по селу. Его веселая наружность мне полюбилась. Взошел на колокольню. Прекрасен вид на окрестность, извивы реки Учи его оживляют. Волновались поля будущей жатвой. Вдали видна фабрика. Она отняла у нас хоровод, но спасибо ей за то, что кормит народ и приучает его к честному труду.

Сошел с колокольни, мы гуляли вдоль по селу. По дороге тянулся обоз от Троицы. Впереди ехала кибитка. В ней сидел священник. Нас поразила благообразная красота его. Никогда еще не встречал я такого чудного лица, которого черты намекали бы так ясно на божественный лик, коему мы поклоняемся на иконах. Кстати, такой прекрасный дар уделен служителю алтаря, особенно если черты души отвечают чертам лица. У нас, по какому-то предрассудку, совестно остановить внимание на прекрасном лице, как будто бы это не создание Божье, достойное изумления. Духовенство наше отличается вообще крепостью телосложения и свежестью сил: добрый признак его чистых нравов. Пускай иноземцы укоряют у нас это сословие в том, что оно слишком отделено от других. И прекрасно: таким только образом может оно уберечь себя и свои телесные силы.

Идучи по селу, я вмешался в народный разговор. Крестьянин всегда рад беседе с нами и весьма радушно принимает наше слово. В этом всего лучше выражается его добрая душа. Полет воздухоплателя еще был здесь свежей новостью. Памятно мне слово одного простолюдина: «Сам себе смерть покупает». «Что бы вам так? – спросил я. – Ведь вот вы сколько трудитесь, сколько работаете, а то ли дело? Слетал на воздух да взял себе денежки». – «Нет, барин, страшно». – «Да ведь ты пойдешь же на смерть, если отдадут в рекруты?» – «Та ли это смерть, барин? Это служба великому государю». Величаво было это слово – и величав вид, с каким произнесено оно.

Люблю я беседу с нашим народом. Она для меня всегда поучительна и мыслию, и словом. Мысль его свежая, незаученная; таково и слово. Кроме того, последнее нередко бывает для меня отголоском из памятников древнего языка. Один владимирский плотник говорил мне недавно вместо «взялися» – «ялися» все сделать. Мне так и припомнилось выражение из Нестеровой летописи: «ялися по дань». Но владимирцы сознают, однако, что речь московская чище. «У нас во Владимирской губернии говорят серо», – так выражаются они и, приходя в Москву на работу, стараются поскорее перенять наше произношение и склад речи. Москву они уважают и любят за то, что она их кормит, но у них есть на нее и пословица, не совсем выгодная: Москва – кому мать, кому мачеха. В городе у нас считают они себя чужими, а потому и ходят серо – не щеголяют, но зато у всякого на селе, у того мать, у другого жена, бережет красную рубашку да синий халат к его возврату: придет плотник с Москвы к сенокосу домой – и тогда-то наряжается он в береженое платье и щеголем идет к обедне в сельскую церковь, где увидят его люди свои, знающие его и по имени, и по рождению.

И.П. Сахаров в «Сказаниях русского народа» говорит, что песня «Не будите меня, молоду» поется в селе Пушкине с каким-то народным торжеством и что московские жители нарочно ездят туда слушать эту песню. Мне хотелось поверить это на деле, и я обратился к одному из первых мастеров хороводных песен, который сказал мне, что эта песня поется здесь, как всякая другая, и что в ней нет ничего особенного. Неужели так скоро изменился обычай?

Было пора ехать в дорогу. Хозяйка на прощанье приглашала опять на возвратном пути: к нам заезжают-де все лучшие господа, мы эдак из простого народа никого к себе не пускаем,

как другие; у нас не такой-де дом; оно знаете, тово-вотко, нечисто... А! Вот и аристократия в сельских нравах!

Когда своротишь с большой дороги на Харьков, места делаются живописнее.

Рано утром, перешед речку Ворю, я пошел в монастырь просекой леса, вверх по горе. На мосту, перед самым монастырем, встретили мы многих странников из Москвы. Я спрашивал, кто откуда. Тот – с Воробьевых гор, другой – из под Боровска, этот – из Рязска. Особенно заняла меня старушка из Каширы: она в болезни дала обещание сходить к угоднику и теперь его исполняет: «Не было бы рук ни ног – катком бы покатила к чудотворцу». На мосту сидели нищие: не проходил ни один богомolec, как бы сам беден ни был, не по давши им милостыни деньгами, хлебом, сухарем. Вот и у моей старушки в бураке были размоченные водой сухари – ее насущная пища; деревянной ложкой зачерпнула она их и положила в чашку нищего, сопровождая дар крестным знаменем и молитвой.

Не умолкают панихиды у раки блаженных родителей преподобного Сергия. Как в этом обычае да сих пор выражается мысль проповедника Пресвятой Троицы, который и теперь, приглашая к себе странников, дает им на пути урок благочестия семейного и сыновних обязанностей! Как ни алкала его душа иноческой жизни и пустынного уединения, но он внял голосу больных и престарелых родителей и служил им до конца их жизни, и тягостная житейская нужда их сдерживала в нем даже порыв высокого призвания! Эти отношения семейные составляют прекрасную человеческую черту в характере преподобного Сергия, черту, которой особенно сочувствует наш народ.

Толпы нищих в ограде монастыря, избалованных милосердием странников, беспрерывно упражняют в них эту добродетель – ведь это также занятие. Слепая с трех лет от рождения сидит у ворот монастырской ограды. Восемьдесят семь лет служила она тут и именем Христовым питала себя и, вероятно, семью свою.

Дождик ливнем лил, когда отправились мы к Троице. Заволокло со всех сторон – и на сплошном сером небе ни трещинки, которая обещала бы перемену к лучшему. Но мне было не скучно: я говорил с извозчиком. Малый, 21-го года, не женатый, рассказывал мне, как учила его читать и писать монахиня Хатькова монастыря, когда было ему еще девять лет. Мне при поминались времена Древней Руси, когда монастыри наши были первоначальными школами для всех сословий. Видно и теперь грамотность наших крестьян, даже и под Москвой, в том же заведывании обителей. Мещане учатся более в уездных и приходских училищах. Выучка чтению стоила отцу его 20 рублей ассигнациями, да за письмо столько же.

Парень весело рассказывал мне о их осенних и зимних посиделках. Карты проникли и в хижины наших поселян. Парни с девками играют в свои козыри и в короли. Особенно веселит их последняя игра, когда король раздает разные приказания, удобные их вкусу. В хоровах любимые песни: «Заинька», «Взойди, красно солнце, ни низко, ни высоко». «Песни старые лучше новых», – говорил представитель молодого поколения. «А кто сочиняет у вас эти песни?» – «Да так, друг дружке сказываем, друг у дружки перенимаем», – повторил он мне ответ, который слышал я и прежде в разных концах России. Иногда заезжие в деревню завезут новую песню в гости. Парни более учатся у девушек. Язык извозчика был для меня уроком в нашей московской народной речи. Особенно останавливало мое внимание обилие уменьшительных наречий, как, например: «теперичка», «тутотка». Едва ли какой-нибудь язык простирает до того страсть свою уменьшать все слова, как наш народный. В этом сходимся мы с другими славянскими племенами. Болгары уменьшают местоимение личное «аз» донельзя: «азика», «азикана», «азиканака». Мне этим объясняется наша простонародная откичка: «ась?», которая конечно есть наш славянский «аз», т. е. «я». Народ и его уменьшает и превращает очень грациозно в «асенька».

Видно, что парень мой был охотник до песен, но от Хатькова до Троицы никогда не раздается песня извозчика. «Нехорошо петь песни на таком святом пути», – сказал мне скром-

ный юноша. Этот путь богомольный странник должен посвятить поминанию родителей святого Сергия. Блинки, которые предлагают на дороге как русское лакомство, указывают на древний обычай поминания. На походах царей к Троице подносились и им блинчики, согласно тому же обычаю. В лесу раздаётся иногда чтение Псалтири, совершаемое благочестивыми богомольцами, поселившимися около этих святых мест. Это также голос векового поминания.

Дождь не переставал во время нашего разговора. Вдали, на закате, у края неба, стало прочищаться. Но лишь только мы выехали из леса на поляну и понеслись по березовому проспекту, влево семицветная дуга двойной окружностью охватила небесный свод. Давно уже не видал я такого зрелища. Мы остановились перед ним. Радуга над Москвой ломается о верхи колоколен и домов. Здесь оба конца ее очевидно упирались на чистое поле – и все семь цветов ее горели ярко-ярко. Влево сияла Лавра в лучах заходящего солнца своими золотыми главами. Нельзя было найти счастливее минуты для выезда в святую обитель.

На другой день утром юродивый дарит вас хлебом. Дар его бескорыстен. Денег он не берет, а если кто насильно и даст ему, он раздает тотчас нищей братии. В этом даре выражается уважение русского человека к хлебу, как высшему дару Божию на земле, который удостоивается быть Телом Христовым. Уронить хлеб на пол считается грехом у коренного русского человека. Не могу не вспомнить, что германский мыслитель Баадер весьма сочувствовал этой черте нашего народа.

Невозможно проводить время отдыха лучше, как я проводил его у Троицы. У меня было там три занятия: богомолье, изучение памятников древности, беседа с учеными мужами.

Каждые четверть часа, от раннего утра до поздней обедни, в каком-нибудь из многочисленных храмов и приделов начинается литургия. Так гостеприимна Лавра к своим богомольцам, что всякий, взойшед в нее утром в какое угодно время, не долго прождет духовной трапезы. Нищие, баловни народа, роящиеся, как мухи, около храмов, вам скажут, где начинается обедня. Мне же, собиравшемуся в долгий путь, кстати досталось вы слушать первую литургию в церкви Божьей Матери Одигитрии (Путеводительницы).

Есть особенная отрада в мысли, что молишься в этих благолепных храмах, окруженный пришельцами со всех краев нашего отечества. Каждый принес сюда свою задушевную мысль, свою просьбу, свою благодарность Богу. Здесь живее чувствуешь в себе, что ты член великой русской семьи, которой всякое единство возможно только в ненарушимой полноте единства церковного. В тесной толпе богомольцев из всех сословий приятно мне было встречать синие воротники наших студентов, усердно путешествующих к Троице-Сергию.

Благолепие и неистощимая глубина церковного богослужения во всяком русском храме поразительны, но мысль особенно проникается ими, когда стоишь подле раки того, кто не в храмах, облитых серебром и золотом, а в деревянной церкви, не в жемчужных, а в крашенных ризах, часто без кадильного фимиама, при блеске сосновой или березовой лучины до того мыслию и чувствами углублялся в небесные тайны богослужения, что молитвами своими низводил Ангелов с неба и удостоился посещения Владычицы. Внутренний трепет благоговения чувствуешь, когда в храме, где почивают нетленные останки ученика Пресвятой Троицы, раздаются слова литургии: «Возлюбим друг друга, да единомыслием исповедимы Отца и Сына и Святого Духа, Троицу Единосущную и Нераздельную».

В этих словах сосредоточивается мысль целой жизни преподобного Сергия. По благочестивому преданию он пророчил об этой мысли еще в утробе матери. Потом вся жизнь его была непрерывным ее выражением. Он учил народ исповедовать Пресвятую Троицу, народ, который в частных поклонениях, дозволяемых Церковью, готов иногда потерять из виду основную истину Христовой Веры. Без великой мысли нет великого подвига жизни, нет и блага народу. Без этой мысли не углубился бы Сергий в чащу лесов, не победил бы диких сил природы, не ископал бы студентов, не пришла бы к нему братия и не признала бы его достойным за всех «предстоять престолу Святыя Троицы» и «воссылать к Богу серафимскую пресвятую песню»,

не протоптали бы народ, князья и цари бесчисленных путей в эти дебри и чащи, не загремела бы Донская битва, не воссияла бы Лавра своими звездными главами, не совершился бы 1612 год с славной осадой... Да, все, все сотворила здесь одна верховная мысль христианства, камень его премудрости – мысль о Пресвятой Троице. Ею-то угодил преподобный Сергей Богу и народу русскому, который с именем Бога, в Троице поклоняемого, соединяет и имя его ученика. Не богословским трактатом запечатлел он поклонение Пресвятой Троице, но молитвой, богослужением, примером, любовью к народу, милостыней, целениями, нищетой, трудами, словом и поучением.

В палатке Серапионовой или келье Преподобного Сергия, где он удостоился посещения Богоматери, я с особенным благоговением поклонился десной руке и власам моего Ангела, первомученика Стефана. Великолепен Успенский собор. Размерами он напоминает московский. Во время богослужения по огромному его пространству летали голуби. Народ любит, когда эти птицы прилетают к нему на храмовую молитву: он чтит в них символ Святого Духа.

После литургии я любил посещать трапезу странников и осведомляться, откуда кто. Охотно высказывают они это – и всем как будто приятно слышать, что вот они с разных концов Русской земли сошлись сюда.

Обширная трапеза перед церковью Преподобного Сергия вся исписана живописью. Есть здесь школа художника Малышева, которая трудилась над этими картинами под руководством самого мастера. На потолке изображены: Страшный Суд, Вознесение Божьей Матери и Апостолы внизу около трапезы, где приготовлен и Богородице хлеб, или так называемая панagia, Спаситель, изгоняющий из храма торжников. Рисунок смел, и композиция величава. Большое поле и для великих художников. Кругом по стенам изображения милосердия из притчей евангельских. Один добрый человек, одетый по-нашему, ходил с крестьянами-странниками и объяснял им эти картины. Надобно было видеть, с какой жадностью внимала ему толпа. И старики, и старухи теснились около него и старались быть к нему ближе. «Приятно ли вам это слушать?» – спросил я у одного странника. «Как же, батюшка, – отвечал он мне, – все услышишь доброе слово». Народ наш готов по учиться, как видно, лишь бы являлись ему добрые учите ля. При объяснении духовных картин сколько полезных истин Церкви можно передать народу. Живопись – язык очевидный и для всех понятный. Все Евангелие в лицах может здесь он увидеть. Мне показалось, толкователь не один ли из молодых ученых Академии, по воле начальства принявший эту обязанность перед народом, но нет – это был посторонний образованный богомолец, который раздавал странникам добровольную милостыню поучительного рассказа о святых предметах, изображенных в трапезе.

Изображение преподобного Кирилла Белозерского, снятое с его иконы-портрета, писанного преподобным Дионисием Глушицким и хранящегося в ризнице монастыря к заглавному листу

Иконы в храмах Лавры достойны были особенного изучения по древности своей и красоте стиля. Усердие обложило их здесь, как и повсюду, серебряными и золотыми окладами, не позволяющими видеть живопись. По указанию «Путевых впечатлений» И.М. Снегирева я обратил внимание на образ Живоначальной Троицы, стоящий по правую сторону царских врат Троицкого собора. В дорогих окладах мне были видны только лики трех Ангелов. Письмо византийское превосходное. Необычайная красота и грация разлиты по этим лицам, чисто греческим. Очертания лиц, глаз и волос имеют волнистое движение. Все три Ангела с любовью склоняют друг к другу головы и составляют как бы одно нераздельное целое, выражая тем символически мысль о любвеобильном единении лиц Пресвятой Троицы. Когда смотришь на величавые и прекрасные иконы греческого стиля, тогда приходит на ум: уж не содействовали ли мы его искажению, даже и в так называемой Строгановской школе, которая удалилась от величия типов греческих, от красоты очертаний и пустилась в мелочи, в складочки одежд и в посторонние архитектурные украшения.

Отец наместник, учредивший в Лавре школу иконописи, в заботах своих о том, чтобы дать поприще для деятельности новому искусству, не забывает сокровищ и древнего. Нередко под новой живописью он открывает древние иконы. Так указал он мне на глубокомысленный символический образ примирения человека с Богом во Христе. В вознесении Спаситель представлен возносящим с собой души праведных. Мне виделись в этом изображении слова из проповеди Кирилла Туровского на Вознесение: «Имеяше же с Собою Господь и душа человечески, яже възнесе на небеса в дар Своему Отцу, их же в горнем граде уесли». Живопись наша, как и духовная поэзия народа, одушевлялась словом проповедников Церкви.

В ризнице внимание наше, утомленное золотом, серебром, жемчугами, драгоценными камнями, бархатом, парчой, с благоговением устремляется к деревянным сосудам преподобного Сергия, покрытым красной краской. Из них-то сам вкушал он хлеб жизни и предлагал его народу. Эти сосуды видом своим напоминают простую сельскую красную посуду, которую употребляют крестьяне и которая издревле в большом количестве производится в Троицко-Сергиевском посаде. Напоминая простому народу его бедную домашнюю утварь, они тем для него

дороже. Смотря на их скудость, на крашенные ризы Сергия и потом на все великолепие других риз, престолов, митр и проч., видишь, как воочию совершаются слова Евангелия: ищите прежде Царствия Божия – и сия вся приложатся вам. Такова история нашей Церкви, если взять ее со стороны внешнего ее обогащения. Первые подвижники ее никогда не думали о земных благах, а только служили народу молитвой и делом – и народ со всеми державными представителями своими сыпал на обители, ими основанные, золото, серебро и жемчуга без числа и дарил их многолюдными селами. У нас Церковь стала богата не потому, что любила приобретать, а потому что была бескорыстна в главных своих представителях. Правда, умножение этих сокровищ, движимых и недвижимых, произвело ношу, которая стала отяготительной для духовного существа Церкви и ослабляла полезное действие ее на народ. Но все это было только временно, а истинного вреда не могло произойти отсюда, потому что источником обогащения Церкви была любовь народа, не знавшая, чем угодить ей, следовательно чувство прекрасное и бескорыстное, а доброе начало чувства, если бы иногда и перешло за границы, не может быть предосудительным.

Роскошь украшений, состоящая в безотчетном богатстве, начинается у нас особенно со времен патриаршества. Может быть, еще прежде внесла это Византия, но всё не столько. Борис Годунов весьма тому содействовал. Нередко дарил он царские свои порфиры на ризы обителям. Великолепнейшие покровы на раку преподобного Сергия начинаются с него. Прежние пелены Древней Руси представляют нам смиренный образ угодника в простых одеждах, шитый шелками. Изумительна крепость ткани из крученого шелка: куда девалось это прочное искусство, которое поспорит с самым лучшим непромокаемым макинтошем? Крепость вековая ткань, засвидетельствованная четырьмя или тремя столетиями, и смиренная простота изображения выражают совершенно подвиг угодника, который в смирении нищеты трудился для вечности. Новые покровы – золото, серебро, камень, жемчуга, бархат. На пелене, подаренной в 1499 году царевной царегородской, великой княгиней Московской Софией Фоминишной, надписи видно вышиты были людьми не грамотными. Вместо $\mu\eta\tau\eta\rho\ \theta\epsilon\omicron\upsilon$ («Матерь Божья») вы читаете «Мар – фу», «ондрей» вместо «Андрей» напоминает выговор суздальский, как в Лаврентьевском списке Несторовой летописи, а «Фама» вместо «Фома» – наше московское произношение, слышное здесь в памятнике конца XV века.

Рукописные служебники и Евангелия требовали бы здесь особенного изучения, тем более что все обозначены годами и потому важны в филологическом отношении. Служебник пр. Никона, содержащий в себе чин православной литургии, может быть, один из древнейших, какие мы имеем с значением года. Текст Евангелия Симеона Иоанновича Горского, относящегося к 1344 году и современного пр. Сергию, замечателен своей любовью к букве, которая встречается даже в прошедшем времени: вместо «ль» читаете «ль». Эта особенность противоречит сильно мнению Добровского, который в своей «Грамматике» считает ерик особенным признаком рукописей XI и XII века. Вот после этого утверждайте признаки языка для памятников словесности словено-русской по столетиям: такое требование могут объявить только люди, никогда не заглядывавшие в нашу древнюю письменность. Если положения Добровского беспрерывно опровергаются новыми открытиями, то кто же возьмет на себя утвердить эти признаки, когда еще большая часть па мятников, на основании которых надобно сделать это утверждение, остается в неизвестности?

Давно желал я познакомиться лично с профессором церковной истории при Московской духовной академии Александром Васильевичем Горским. Я питал уже к нему уважение за важные открытия, сделанные им в древней словесности русской: мы обязаны ему сочинениями Илариона, первого митрополита из русских. Он же объяснил в «Москвитянине» жития Кирилла и Мефодия, почти современные первоучителям грамоты. Недавно выдал он «Историю Флорентийского собора». Книга Сиропула на греческом языке, которой до сих пор мало пользовались, послужила для него главным источником. Но беспристрастный автор не оста-

вил без употребления «Истории», написанной Дорофеем, митрополитом Митиленским, и признанной со стороны Римской Церкви. Соборы XV столетия на Западе: Констанский, Павийский, Сиенский и, наконец, Базельский, столько страшный для Евгения IV, свидетельствуют, что «Церковь Западная, – как говорит автор, – путем долговременных бедствий стала возвращаться к той древней церковной, но всегда ненавистной для властолюбия папского, мысли, что видимой вселенской властью в Церкви должна быть власть Вселенских Соборов». Признание необходимости Восьмого Вселенского Собора было великой уступкой со стороны Пап, на которую они решались бессознательно.

Весьма подробно и ясно изложены здесь прения обеих сторон. Как торжествует сила церковного догмата в устах Марка Ефесского, в его кратком и разумном слове, которое умолкает тогда только, когда все доводы истощены и дело переходит в ухищренные слова и кривые толкования. Хорошо оттенен красноречивый и лукавый Виссарион, который употреблял истину средством для цветов красноречия, а потом отошел от нее из видов честолюбивых. Марк с двумя товарищами отстаивали истину за духовенство. Когда же изменники возвратились в свои земли, в Царьграде народ первый вступился за истицу православия, в Москве – великий князь Василий Темный.

Смиренный труженик не выставляет имени своего на прекрасных трудах своих – и я прошу у него извинения в том, что нарушаю его скромность. В его обществе я имел удовольствие познакомиться с г. Казанским, который известен стал в последнее время новыми разысканиями о жизни и трудах Иосифа Волоцкого, с г. Соколовым, автором статьи о отношениях Армянской Церкви с Православной Восточной касательно соединения, с г. Амфитеатровым, профессором словесности, который также известен своими трудами и которого брат в Киеве издал недавно прекрасную книгу о словесности церковной.

Ученые духовной академии представляют для нас пример трудолюбия в соединении со смирением, не признающим своей личности. Здесь за добросовестным трудом скрыто лицо. Это самоотвержение – великий подвиг, объясняемый из лучшей стороны нашего народа.

А.В. Горский показал мне ту древнюю пергаменную рукопись под заглавием: «Златая цепь», в которой автор «Истории Русской Церкви» открыл четыре слова Серапионовы. Под его просвещенным руководством взглянул я и на библиотеки.

В Троицкой Лавре две библиотеки древних рукописей: одна – духовной академии, другая – собственно Лавры. Первая помещена в самом здании академии. Помещение очень хорошо для лета и напомнило мне своей простотой и полусветом отчасти Гёттингенскую библиотеку, но для зимы оно неудобно, потому что нет тепла. На столе лежит Евангелие, как первая книга. Печатных томов до 20 000. Весьма замечательно Еврейское Пятикнижие, рукопись XII века, подаренная преосвященным Гавриилом, которому в Одессе поднесли ее караимы. Славянских рукописей до 200.

А.В. Горский показал мне здесь книги пророков с толкованиями, рукопись, о которой упоминает Востоков в своем предисловии к Остромирову Евангелию. Она писана в XV веке, но с рукописи, относящейся к 1047 году, следовательно, ранее Остромирова Евангелия. Писавший сию последнюю – поп «Упирлихый». Многие слова, отмеченные профессором в тексте, примечательны: «мечка» вместо «медведица», «рзание» вместо «ржание». Но всего любопытнее для меня было открытие, которое сделано А.В. Горским и которое он до сих пор таит под спудом, несмотря на то, что оно обрадовало бы многих филологов и во главе их Шаффарика. В одной рукописи, содержащей в себе перевод «Шестоднева» и «Небес», сделанный Иоанном, экзархом болгарским, встречается, между прочим, и известное «Слово о письменех» Черноризца Храбра. Это одно из древнейших свидетельств об изобретении христианской на шей грамоты Кириллом и Мефодием и о том, что до нее у языческих славян были вместо письмен черты и резы. Свидетельство тем особенно важно, что оно ясно определяет год изобретения грамоты – 855, а именно за три года до крещения Бориса, царя болгарского, и «боляр» его

в 858 году, как говорит наша летопись. Через 6 лет нам придется праздновать тысячелетие христианской нашей грамоты – и оно же кстати совпадает с столетним юбилеем Московского университета (1855). До сих пор не знали, к какому времени отнести это свидетельство Черноризца Храбра. Древнейший список его, найденный Калайдовичем, принадлежит XIV веку. Смелее других, Шаффарики относил автора к XI столетию. В рукописи академии А.В. Горский указал мне на следующие слова, которые не встречаются в других: «сутьбо еще живи», «иже суть видели их», т. е. Кирилла и Мефодия, изобретателей грамоты, следовательно известие Черноризца Храбра об них почти им современное. Отсюда очевидна важность означения года изобретению. Как свидетельство современника оно неоспоримо. Кроме того, есть и другие отмены в тексте. По изданию Калайдовича читается: «прежде оубо словене не имеху книг, но чертами и резами четеху и гатааху, погани суще». В тексте рукописи академической слова «четеху» нет, а просто «гадаху».

Замечательна еще огромная рукопись святого Григория Бogo слова. У нас в глубокой древности любили этого проповедника, и много отличных и весьма древних экземпляров его «Слов» дошло до нас: Лествичник с толкованием за подписью митрополита Киприана, прекрасный экземпляр Златоструя Симеона, царя болгарского (пора бы издать это произведение Симеона, преемника Бориса, крестившегося в веру Христову и крестившего свой народ), сочинения Максима Грека, экземпляр неполный. К сожалению, Лавра не имеет полного экземпляра сочинения Блаженного Максима, который в ней окончил жизнь свою и страдания. В пергаменном Евангелии находятся греческие обороты ранее времен Максима Грека. Вообще в славянском тексте Писания Церковь наша всегда допускала большое разнообразие в букве текста, давая тем разуместь, что не в этом настоящее единство, а во внутреннем смысле содержания.

Библиотека Лавры содержит в себе до 800 рукописей. Она помещается на огромном чердаке, над трапезной церковью. По стропилам крыши церковной пробирались мы в это книгохранилище, обеспеченное от по жара, но не от холода и сырости. Стаи голубей поднимались от шума наших шагов. Памятно мне будет гостеприимное радушие библиотекаря отца Илария. Книги размещены по содержанию. Отличные экземпляры пергаменные Григория Богослова и жития Нифонта, перевод с греческого. Собрания канонов замечательны по языку. Одно из них писано греком по-славянски с весьма затейливыми фигурами, которые разгадывает опытная начитанность отца Илария. Кроме тех грамот, которые стоят в фолиантах и были пересмотрены Археографической экспедицией, библиотекарь открыл новые, приведенные им в порядок. Замечательна, между прочим, просьба одного инока Мардария времен царя Михаила Феодоровича: он, как видно, провинился против устава монастырского и просит прощения у обители.

В числе лучших моих духовных приобретений у Троицкой Лавры я считаю личное знакомство и троекратную беседу с Феодором Александровичем Голубинским. В Ильинском предместии, за речкой Садовой, в укомном домике живет почтенный представитель христианской философии у нас. Простота и смирение осеняют его мирное жилище. Меня поразило высокое чело нашего отшельника-мудреца. Лицом и особенно глазами напомнил он мне Шеллинга, которого я видел в первый раз также в сельском уединении около Мюнхена. Та же ясная голубизна в глазах, та же дума. У Шеллинга еще возможна личная страсть – в чертах русского мудреца господствует спокойное самоуглубление. Такова и тихая речь его, которая всегда тепла, но вспыхивает живее при выражении радушия и участия.

В сельском приюте своем Ф. А. Г. живет окруженный тремя сыновьями, из которых двое с отличным успехом проходят курс в вифанской семинарии, а третий еще готовится дома. Я слышал один урок. Мне особенно понравилась ясная кротость наставника-семинариста, противоположная крикливой настойчивости, которая не дает разума учению.

Кругом по стенам приемной комнаты развешаны портреты некоторых лиц, просиявших духовной жизнью. Тут вы увидите Тихона Воронежского, Серафима, отшельника Саровской

пустыни, Паисия – портрет, присланный старцами Оптиной обители, усердно посвятившей себя памяти этого мужа, из Молдавии столько действовавшего на духовную жизнь и в наших пределах. Особенно остановил меня портрет Георгия Алексеевича, затворника Задонского. Он был военным, но воспитанный набожной матерью, рано почувствовал призвание к иночеству и прославился своей духовной жизнью. Он не имел столько учености, как отец Макарий Болховский блаженной памяти, но имел столько же любви – и писал письма, исполненные умиления, которые изданы одним из старцев Оптина. Благообразное и разумное лицо Георгия весьма поразительно.

Многие гости из Москвы, любя беседу Ф. А. Г., навещают его здесь охотно. Ему передают они вести о шумном движении западного мира. При мне говорили о чуде в Гренобле, об Эдгаре Кине, о Мишеле. С участием внимает всему радушный хозяин, но и с спокойствием, которого ничто не взволнует. Эта тишина мысли и слова в человеке, привыкшем к самоуглублению, действует успокоительно на нас, людей, живущих в том мире, где разум неразлучен со страстью и почти всегда подчинен ей.

Рано началось классическое учение для Ф. А. Г. Первые занятия детства были устремлены на поэзию. Десяти лет он уже прочел пять песен Виргилеевой «Энеиды». Занятия философией он избрал по собственному влечению. Лекции истории философии, им читанные в духовной академии, существуют в рукописях. Некоторые написаны им самим, другие составлены его учениками. Теннеманн и Риттер служили ему для его лекций. Первого он предпочитает в том, что касается до изложения систем, за исключением односторонних мнений кантианских; Риттер не столько верен в изложении. Но главной основой для Ф. А. Г. было конечно собственное изучение, руководством при котором служило начало, тесно сопряженное со всей его жизнью.

Беседа Ф. А. Г. имеет двойной характер. Я никогда не встречал человека, который бы умел так строго править силами души в своем разговоре и так разграничивать сферы, в которых вращаются его мысли. Этих сфер две: религия и философия, живущие в духе его слитно и согласно. Из обеих сфер равно почерпает он предметы для своих бесед, обе равно ему доступны. Когда говорит он от философии, в речи его выражается ясное и спокойное сознание разума, в расположении мыслей господствует строгая логическая отчетливость, и каждое слово точно и определительно. Когда говорит он от веры, он весь – полнота умиленного чувства и слово его растворено любовью, а украшено одной простотой, истекающей из глубокого искреннего смирения. Тогда слово его понятно будет ребенку и простолюдину.

В таком случае он любит рассказ или притчу. Не могу здесь не вспомнить одного события, которое он мне передал. Оно случилось еще при императрице Екатерине II. Один сельский священник перестал служить вовсе обедню, потому что никто из прихожан не ходил в церковь. Тогда настоятель соседнего монастыря, узнав о том, дал ему совет служить для Ангелов, говоря, что они шепнут своим и приведут их за собою. Священник послушался совета, начал служить – и в самом деле церковь мало-помалу опять наполнилась прихожанами.

Наша мысль, увлекаемая свободой разговора, весьма часто переходила из одной сферы в другую. При этих переходах в особенности мог я видеть опытность мудреца, превосходно владеющего логическим разумом и теплым чувством в своем слове. Все системы германской философии ясно проносятся в его голове. Изложение его, когда говорит он о науке, сохраняя ученый характер, вовсе чуждо темноты и ясной глубиной свидетельствует о совершенном знании предмета. Вот несколько отрывочных мыслей, собранных мной из поучительной беседы, о разных великих лицах, славных в истории немецкой философии.

В Шеллинговом учении было точно такое начало, которое могло вести к примирению философии с религией. Доказательство тому – все ученики его, чувствовавшие эту потребность: Клейн, Канне и другие. Потенции его, которыми он в последнее время силился логиче-

ски до казать догмат Пресвятой Троицы, показывают только бессильную попытку разума вместить в формулу невместимое.

Баадер принадлежит к таким мыслителям, которые сами не строят систем, но своими сочинениями в других расшевеливают, возбуждают мысль. Надо же быть и таким мыслителям.

С уважением и сочувствием говорил Ф. А. Г. о Якоби, которого и в Германии называли новейшим Платоном. Он велик тем в особенности, что Шеллинг предсказал все последствия его первоначальной философии, которых Шеллинг не принял, но которые дали пищу Гегелеву учению. Весьма важно сочинение Якоби о Спинозе.

В учении Спинозы проведено повсюду логически начало необходимости. У него нет понятия о зле. Отсюда невозможность и нравственной философии. У Гегеля в его построении философских наук также нет нравственной философии, которая есть у Канта. Гегель смеялся над Кантом в этом отношении, приписывая нравственную сторону его системы влиянию его набожной матери и предрассудкам, навязанным ему из детства.

Гегель признает развитие, но вот задача, которой он не разрешает: как в развитии его из предыдущего развивается последующее? Откуда берется новое в жизни? Где источник этому истечению? Это может быть объяснено тогда только, когда в основу развития полагается полнота бытия, а у Гегеля бытие равно небытию, да и самое его «Sein»², по его же собственному выражению, «eine schlechte Unendlichkeit»³.

О сомнениях прекрасно выразился христианский мудрец. Важны и значительны сомнения мужественных душ, а не сомнения натянутые, ни из чего не вытекающие, разыгрываемые. Сомневался и блаженный Августин. Сомневался и Декарт. Из таких сомнений может выработаться знание истины, убеждение.

Прошу извинения у почтенного мудреца в том, что взял на себя изложить некоторые мысли, особенно врезавшиеся в моей умственной памяти. Принимаю на себя всю ответственность в том, если дал какой-нибудь не правильный оттенок тому, что слышал. Мне было приятно заслушиваться этой речи разумной, ученой и ясной, которая влиwała мысль в мой разум, сведения в память и тишину в сердце. Я позволял себе думать, что если бы эти уста отверзлись для того, чтобы передать историю науки наук не одному академическому, но и университетскому нашему юношеству? С какой жадностью оно бы стало слушать ученого старца? Сколько бы пользы про изошло отсюда? А передавать науку так легко для его опытности; так кажется, все готово и все созрело здесь для передачи, и с каким радушием сообщается знание его владельцем, как будто это не личная его собственность, а достояние всех.

Много расточено великих и прекрасных сил по нашему отечеству, которые не признаны, много светильников, таящихся под спудом, а не горящих на свечнике. Русское смирение часто укрывает таланты Божьи – и люди, призванные быть благовестниками истины, готовы тратить силы свои и время на такое служение, которое за них всякий другой мог бы легко исправить. Как часто у нас там не сознается личность, где она является сосудом мысли светлой, Божественной, и сознается сильно там и кричит на всю Россию, где она только сосуд самолюбия, а иногда и того хуже!

Я видел В.И. П-ву в скромном ее уединении. Здесь, у святыни Троицкой, имеет она приют. Дети православного грека, турецкого подданного, страдавшего за верность православию, нашли в ней мать и воспитательницу. Последнее отдает она этим сиротам в чужбине, возбуждающим искреннее участие к судьбе своей. Вот как Церковь соединяет нас до сих пор узами духовного родства с тем народом, от которого мы приняли веру⁴. Кроме этой малолетней усыновленной семьи у В.И. П-вой есть другая, престарелая, которая ее не меньше любит. От

² Бытие (нем.).

³ Дурная бесконечность (нем.).

⁴ К сожалению, судьба с тех пор разлучила В.И. П-ву с ее усыновленной семьей.

обители содержится богадельня для ста и более старушек, состоящая под начальством княжны Елизаветы Дмитриевны Цициановой. Удобно, спокойно и тепло помещаются они в особенных покоях. Рукоделье по силам составляет их занятие. Чистота, опрятность, мир, тишина и молитва поселились здесь, в этом приюте женской старости. Ежедневно за обедом и ужином В. И-на читает для них жертвенник, т. е. жития святых отец, и правила. Под ее руководством обошел я эти покои. Приятно было видеть, с какой радостью богаделенки принимали молитву и приветствие сердобольной послушницы и с какой лаской бросались к руке ее. При богадельне находится и больница. В сию последнюю принимают мещанок и крестьянок из окружающих и дальних мест. Тут дмитровская мещанка, мать семейства, лишенная движения руками и ногами, нашла врачебные пособия. Сюда из Витебска безногая девка приползла на четвереньках в полном смысле этого слова! Лавра имеет своего безмездного врача, инока, отца Анастасия, который со всем бескорытием, приличным его званию, и со всей добросовестностью ученого посвятил себя медицине. Он неумоимо посещал университетские лекции и клиники. Слава его простирается на сотни верст в окружности и привлекает к нему множество больных. Кроме богадельни, для приходящих богомолков есть странноприимная палата, состоящая под особым наблюдением Юлии Самойловны Головинской. Лавра действует, как действовали наши обители, которые кормили народ во время голода, давали прибежище больным, странным и престарелым. Но много пособий нужно еще нашему на роду. Не все обители в состоянии то же делать, что делали прежде.

В трех верстах от Лавры по дороге в Александров, немного в сторону, лежит Вифания. Память митрополита Платона здесь всегда жива. Почти не умолкают панихиды над его гробом. Два храма возвышаются один над другим: внизу во имя Господа, воскресившего Лазаря, вверху во имя Господа Преобразившегося. Храмосдател сам в одном из слов своих так выразил таинственное соотношение этих двух храмов. «Храм сей посвящен святейшему имени Преобразившегося Господа, а сущий под ним храм посвящен Тому же Господу, воскресившему Лазаря из мертвых. Один храм к другому имеет близкое отношение. Ибо между Воскресением и Преображением есть союз таинственный. Не говорю я о Воскресении и Преображении Христовом, но о воскресении и преображении нашем. Ибо Христос и воскрес для нашего воскресения, и преобразился для преобразования нашего...

Выходя из нижнего сего храма, восходим на сей верхний. Так, выходя из гроба воскресением, восходим мы в храм славы, преобразуясь из тления в нетление. Не можно удостоиться преобразования, доколе не удостоимся воскресения».

Основная мысль этого двоякого храма, как мысль, внушенная верой, принадлежат всем векам. Но на форме ее исполнения лежит печать XVIII столетия, которое любило блеск фантазии и игру эффектов. Предстоятели Церкви считали у нас за нелишнее снисходить этой слабости. Отсюда объясняю этот искусственный Фавор, изображающий самую гору с ее потоками. В верхнем храме два предмета особенно замечательны: комнатная икона Людовика XVI, та, перед которой, может быть, он изливал душу свою незадолго до смерти, она стоит на самом престоле; снятие со Креста – образ новой итальянской живописи, привлекающий давно молитвы богомольцев и славный чудотворениями. Церковь соединяет у нас все во имя высшей истины и первая подает пример против всего исключительного. В нижнем этаже, в стороне, близ могилы храмосдателя, хранится тот деревянный гроб, в котором пребывали нетленные останки преподобного Сергия. Простота его, окруженная великолепием прошлого века, и здесь напоминает ту духовную силу, без которой не блистала бы и Вифания.

Дом митрополита Платона напомнил мне видом Фернейский замок Вольтера. Сближение покажется странным, но оно касается одной внешности: есть у каждого века свое особенное в наружном быту, в украшениях, в приемах. И там и здесь вы находите портрет императрицы Екатерины: в Фернее вышит шелком и подарен самой государыней, здесь – вырезанный из бумаги весьма искусно и подаренный Потемкиным. Там картины, относящиеся к жизни Воль-

тера, здесь также – к жизни хозяина. Но тут противоположность. Вольтер, как будто язычник, находит убежище у Аполлона, которому подносит свою «Генриаду». Платон в тяжкую минуту жизни утешен Ангелом, подносящим ему сердце с надписью: «Горé сердца!»

Преосвященный любил природу. Прекрасные виды на окрестность, оживленные прудами, окружают его домик. Вместо ландшафтов служат зеркала. Зеркало в шкафе отражает вид на Лавру. В опочивальне его также зеркальный потолок. Много любопытных воспоминаний хранится о частной жизни покойного. В летней спальне вы найдете его соломенную шляпу. На картине изображен его повар, у которого вытаскивают занозу из ноги. На другой портреты его певчих, которые духовными концертами улаживали его в минуты грусти; тут же и турок, воспитанный им и обращенный в православие. В алтаре домового храма хранится стул с китайскими изображениями.

Домовая церковь при покоех – во имя Сошествия Святого Духа. В ней только две иконы, и то малые. Смысл Ветхого и Нового Завета изображен словами: «Закон Моисеем дан бысть, благодать же и истина Иисусом Христом». Здесь митрополит при служении исправлял должность причетника.

Выходя из этих покоев с живым воспоминанием о личности усопшего хозяина, вы невольно остановитесь мыслью на надписи главного крыльца: «Да благо словит Господь вход и исход твой отныне и до века», как будто бы преосвященный простирал и теперь свое благословение на всех посещающих его скромное убежище. Но после этой молитвы, прочтете сбоку и русскую благоразумную пословицу: «Не выноси сору из дому».

Уезжая из Вифании, я взглянул на новый дом семинарии – это великолепные чертоги.

По той же дороге, которая ведет в Вифанию, влево, вы посетите пустынное уединение Гефсимании, вновь учрежденное преосвященнейшим архимандритом Лавры. Высокие и густые лесные сени окружают его. И в нем, как в Вифании, пускай сам хозяин и учредитель объяснит нам мысль учреждения своими же словами:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.